

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)323

К ВОПРОСУ О ПРИВЛЕЧЕНИИ БЕДНЫХ ГРАЖДАН НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ В РЕСПУБЛИКАНСКОМ РИМЕ

И.В. Меркулов

При рассмотрении вопроса об изменении социального состава римской армии преобладало мнение о недопущении пролетариев на военную службу вплоть до реформы Гая Мария. Основным аргументом считается материальный аспект, в силу которого они не могли самостоятельно вооружиться. Однако тщательный анализ источников показал, что с юридической точки зрения пролетарии были военнообязанными, и в критические моменты их вызывали на службу. После того как государство перешло на полное обеспечение граждан оружием, армия к моменту реформы Гая Мария полностью превратилась в пролетарскую.

Ключевые слова: пролетарии, беднота, городской плебс, военное право, ценз, гражданская община.

В историографии не существует единого мнения относительно того, какое событие следует считать точкой отсчета в привлечении бедных на военную службу. Большинство историков склоняются к мысли, что такой точкой является военная реформа Гая Мария, который отбросил старый принцип комплектования армии из зажиточных граждан [4, с. 380; 6, с. 47; 9, с. 376; 11, с. 14, 19; 12, с. 9; 17, с. 232; 19, с. 77–78; 20, с. 343; 23, с. 75].

Другая точка зрения исследователей, в противоположность первой, считает реформу Мария лишь последним шагом в профессионализации армии. Бедных уже задолго до этого допустили в легионы, и Марий лишь сделал этот процесс *de jure* [5, с. 200; 29, с. 189; 36, р. 100].

Подобные противоречия в историографии не случайны. Во-первых, римская традиция не дает точного определения бедности. Во-вторых, понятие, обозначающее бедных – *proletarii* – и используемое историками, относится к императорской эпохе, когда оно уже успело трансформироваться под влиянием политических и экономических изменений [21, с. 24].

Однако пролетарий периода существования

Рима – полиса и пролетарий времен Империи – понятия не тождественные. В-третьих, историография мало уделяет внимания рассмотрению проблемы, связанной с так называемыми *capite censi* – слоями населения, на которые и делал свою ставку Марий в момент проведения своей реформы [1, с. 371].

Если за основу принять первую версию историков, то она страдает тем недостатком, что не учитывает сведения ряда источников, в частности Геллия, указывающими на привлечение пролетариев на службу в армию задолго до реформы Мария. Принимая во внимание вторую версию, сразу же можно аннулировать факт проведения какой-либо реформы, ибо, по свидетельству того же Геллия, данные о привлечении пролетариев в легионы до реформы Мария сводили на нет весь смысл проведения этой реформы.

Римская традиция и конституция Сервия Туллия (Dion. Hal. IV, 18) бедными считала так называемых пролетариев. Отечественная историография взяла на вооружение марксистское содержание понимания этой категории населения, причем в крайне негативном смысле. Оно сводится к следующему: пролетариат, по мнению К. Маркса, появился с ранних времен римской истории [14, с. 22]. Он жил за счет общества и являлся паразитом, вредным элементом для

этого общества. Пролетарии находились вне цензовой системы Сервия Туллия [15, с. 375 – 376; 16, с. 121; 30, с. 129; 31, с. 503].

Данные высказывания Маркса использовались советскими историками для обоснования гипотезы о необходимости проведения военной реформы в Риме, а именно привлечения этих «паразитов» общества на службу и решения, таким образом, вопроса комплектования армии [7, с. 189].

Однако здесь нужно оговориться, что подобные высказывания Маркса о пролетариях приемлемы лишь к последним десятилетиям существования Республики, и в особенности к императорской эпохе, то есть когда Рим уже не был полисом [14, с. 22]. Цитирование о паразитизме пролетариев в более раннюю эпоху будет являться искажением исторической действительности. К примеру, о каком «паразитизме» пролетариев могла идти речь, когда впервые раздачи бедным были проведены в период движения Гракхов, и что вплоть до Союзнической войны они проводились спорадически [8, с. 59; 10, с. 133]. Что касается «зрелищ», то и их стали устраивать изредка в политических целях [29, с. 16–17]. Поэтому ни о каком «паразитизме» пролетариев на момент реформы Гая Мария говорить не приходится. Все это «прелести» Рима императорского!

Что же до мнения о пролетариях, находящихся вне цензовой системы, и запрещения последним службы в армии, подобное не выдерживает критики [31, с. 129]. По свидетельству Ливия и Дионисия Галикарнасского (Liv. I, 43; Dion. Hal. IV, 8), пролетарии, согласно конституции, занимали шестой – последний разряд. Они не служили не потому, что запрещал закон, но в силу неспособности себя экипировать и вооружить. Но как только государство стало способно самостоятельно финансировать армию, пролетарии, как и остальные граждане, подлежали общему призыву и несли воинскую повинность на общих основаниях: «proletarius publicitus scutisque feroque ornatur ferro» (Aul. Gell. N. H. XVI, 10, 1).

Забегая вперед, следует отметить, что пролетарии эпохи Мария это не бездомные граждане, а бедные земельные собственники, сохранившие за собой «дедовские» наделы, дома и «могилы предков».

Наиболее полно вопрос о бедных слоях разработан в зарубежной литературе. На основе источников исследователи наряду с пролетариями вводят еще одно понятие, в императорскую эпоху также обозначающее бедных. Речь идет о так называемых *capite censi*, стоявших и в материальном, и моральном отношении ниже пролетариев. Разницу между этими двумя категориями попытался выявить французский историк Ланге [35, 1521 ff]. Он полагал, что первоначально все граждане, имущество которых не превышало ценз пятого класса, были освобождены от военной службы. Позже на службу стали привлекать пролетариев (Aul. Gell. N. H. XVI, 10, 1). При этом установили цензовую сумму меньше, которую при наборе впредь не понижали. Она составляла, согласно Полибию, четыре тысячи ассов (Polyb. VI, 19, 2).

Так появились *capite censi*, имущество которых было ниже положенной суммы. Ланге полагает, что автором этого нововведения является Камилл, но добавляет, что на службу привлекались лишь те бедные, земельный надел которых составлял не менее $\frac{4}{5}$ югера. Когда начали комплектовать флот, вероятно, с момента цензуры Аппия Клавдия (311 г. до н. э.), к службе, помимо *socii*, состоящих главным образом из *libertini*, стали привлекать и пролетариев, ценз которых составлял четыре тысячи ассов, но при этом не понижался ниже полутора тысяч ассов и был окончательно зафиксирован где-то к 282 г. до н. э. Теперь имя *capite censi* ограничивалось теми пролетариями, которые имели ценз в полторы тысячи ассов и которые вовсе не привлекались на военную службу. Пролетарии подлежали налогообложению, и цензоры, насколько это было возможно, установили границу ценза в 375 ассов. Этот фиксированный минимум налогооблагаемого имущества имел место до того времени, когда римский народ перестал выплачивать *tribut* (167 г. до н. э.) [ibid., 1522 ff].

Недостатком теории Ланге является то, что он более всего доверяется традиции и произвольно оперирует хронологическими данными [ibid., 1523 ff]. По мнению исследователя, пролетарии не стояли вне цензовой системы, были помещены в одну центурию и поэтому имели право голоса в народном собрании [ibid., 1522 ff].

С позицией Ланге согласны и другие историки – Сальтаус, Шиллер и Герцог с той лишь разницей, что допущение пролетариев в легионы произошло намного позже, как считает Ланге, а именно в конце Второй Пунической войны. Они ссылаются на период проведения ценза с 208 по 204 г. до н. э., когда боеспособных граждан увеличилось с 137 до 216 тыс. чел. [35, 1522 ff].

В противоположность Ланге и другим историкам Т. Моммзен, ссылаясь на Феста, вообще отрицает привлечение пролетариев на службу. Основываясь на данных Цицерона, Геллия (Cic. R. p. II, 40; Aul. Gell. XVI, 10) и гражданском праве, по которым поручителем для имущих граждан (*assiduos* или *locuples*) может быть только зажиточный гражданин, а поручителем для неимущих (*proletarius* или *capite censi*) – любой, кто пожелает, он отрицает разницу между *capite censi* и пролетариями в имущественном отношении.

Не видит никакой разницы между этими двумя категориями беднейшего населения Рима и английский историк П. Брант [33, р. 13]. Т. Моммзен подходит к рассмотрению проблемы с позиции права и затушевывает социальную проблему анализа двух противоположных категорий беднейшего населения Рима.

Немецкий историк Кюблер [35, 1523 ff], анализируя историографию о *capite censi*, не пытается оспаривать ту либо другую позицию ученых и оставляет, таким образом, данный вопрос открытым.

Чтобы разобраться в разнице этих двух категорий граждан, обратимся к источникам. Дионисий Галикарнасский сообщает, что Сервий Туллий «всех граждан, имеющих имущества меньше чем на двенадцать с половиной мин... поместил в одну центурию, освободил от военной службы и от уплаты налогов...». Это была «всего одна центурия людей малоимущих» (Dion. Hal. IV, 17–18). По Ливию, граждане, имеющие ценз менее одиннадцати тысяч ассов, образовали одну центурию пролетариев и освободились от военной службы (Liv. I, 43). Плутарх называет бедных неимущими, которых все прежние полководцы (до Мария) не допускали в легионы, «доверяя оружие, словно некую ценность, только достойным – тем, чье имущество как бы служило надежным залогом» (Plut. Mar. IX).

Цицерон пишет о бедных следующее: «eos, qui aut non plus mille quingentum aeris aut omnino nihil in suum praeter caput attulissent, proletarios nominavit» (Cic. R. p. II, 39–40). Оратор приводит термин *caput* – «голова», но относится ли он к категории *capite censi*, из контекста понять трудно. Фест вообще не видит разницы между двумя названиями: «*proletarium capite censum, quod ex his ciuitas constet, quasi proles progenie*» [35, 1521 ff].

Варрон все общество делит на две части: зажиточных он называет *ассидуями*, бедных – пролетариями (Varro, R. R.). Флор сообщает о неимущих, допущенных Марием в армию, уточняя, что это *capite censi* (Flor. Epit. I, 36). Сенека поясняет, что неимущими считаются те, кто ничего не имеет, за исключением своей головы: «*illi, quibus nullae opes erat, caput sum, quod solum possidebant, censebantur*».

Пожалуй, четкую границу между пролетариями и *capite censi* дает Авл Геллий: «*qui nullo aut perquam paruo aere censebantur, capite censi vocabantur, extremus autem census capite censorum aeris fuit trecentis septuaginta quinque*» (Aul. Gell. XVI, 10). Выше он отмечает, что для пролетариев ценз был установлен не выше полторы тысяч ассов. Значит, разница появилась в имущественном достатке. Но далее Геллий подчеркивает, что при незначительном своем хозяйстве ни пролетарии, ни *capite censi* не могли оказать помощи государству. А это, в свою очередь, сводит на нет имущественное различие между ними. Поэтому, например, Т. Моммзен не различает эти два слоя.

Геллий обращает внимание еще на одно существенное различие: «*proletarium tamen ordo honestior aliquanto et re nomine quam capite censorum fuit*» (Aul. Gell. XVI, 10, 12), то есть пролетарии были в более почетном положении, и по названию, и на деле, нежели *capite censi*: «дело в том, что в тяжелые для государства времена, когда был недостаток в молодых людях, пролетарии спешно набирались в войско. Им выдавалось казенное оружие, и названы они были не потому, что лишь поголовно зачислялись в ценз, а получили более приятное название от обязанности их производить новое поколение – *proles*... *Capite censi* впервые, как передают некоторые, были

зачислены в труднейшие для государства времена войны с кимврами Гаем Марием, в период Югуртинской войны; никакое предание не говорит, что это было сделано раньше» (Aul. Gell. XVI, 10–12).

Уже само упоминание о привлечении пролетариев на военную службу говорит о том, что они обладали так называемым *ius militium*, которое являлось одним из суммы политических прав гражданина. *Capite censi* не обладали такими правами. Их до реформы Мария в легионы не допускали: «*dabat operam (populus), ne imperatoribus capite census sacramento rogare esset necesse, quorum nimia inopia suspecta erat, ideoque his publica arma non commitebant*» (Val. Max. II, 3, 1). Уже это позволяет судить о том, что они были ограничены в своей правоспособности. Значит, разница между пролетариями и *capite censi* заключалась не в материальном преимуществе одних над другими, а в обладании политическими правами одних и отсутствии этих политических прав у других.

Поэт Энний (III в. до н. э.) отмечает, что пролетарии привлекались на военную службу и вооружались за счет государства (Ennius, fragm. VI, 174–178). Правда, по контексту трудно определить, с какого времени начинается этот процесс, но к моменту его переселения в Рим (204 г. до н. э.) для него это не было новшеством. Обращает на себя внимание выражение «*muros urbemque forumque excubiis currant*» («защищали городские стены и площади») (ibid., 179–180). Это указывает на очень давнюю традицию привлекать бедных на службу, когда Рим был маленькой общиной, и ему приходилось отражать набеги соседей, которые доходили до его городских стен.

И хотя есть данные о привлечении бедных на службу еще в период установления трибуната (Liv. II, 23, 27–33), все же за основу важных изменений в комплектовании армии следует считать осаду этрусского города – крепости Вей, длившуюся в течение десяти лет. С этого времени начинается выплата воинам жалования (Flor. Epit. I, 6, 8; Plut. Camill. 2). Трудно сказать, насколько пролетарии составляли воинский контингент, но, несомненно, он должен был увеличиваться с наибольшей прогрессией.

Показателем этого является военная реформа в начале IV в. до н. э. Историки приписывают ее легендарному Камиллу [5, с. 203; 18, с. 53; 22, с. 12]. Суть ее сводилась в переходе на манипулярную тактику. Построение легиона осуществлялось не по количеству и качеству вооружения, а по опытности бойцов в три линии. Имущественный принцип комплектования не учитывался. Унификация вооружения также являлась показателем отхода от цензовой системы набора (Polyb. VI, 23, 16). Постепенно усилилась функция сената по обеспечению легионов продовольствием и вооружением (ibid., 15, 3–5).

Степень пролетаризации армии усилилась после двух Пунических войн [13, с. 287]. Разорение зажиточного и среднего крестьянства было колоссальным (App. B. C. I, 7; Plut. Tib. 8). И хотя многие историки причину кризиса цензовой системы набора видят в разорении крестьянства [2, с. 449–450; 3, с. 289; 10, с. 144; 28, с. 125; 32, с. 21; 34, с. 380], но, надо думать, разорение крестьян, наоборот, «подогревало» желание служить. Стремление выбиться из нужды и хоть как-то продержаться свои хозяйства на плаву побуждало пролетариев вступать в армию. Изменился и характер войн. На них стали смотреть как на источник получения добычи.

Однако не следует недооценивать систему ценза при наборе. Во-первых, у цензоров находилась вся информация о призывниках [25, с. 50].

Во-вторых, вплоть до 167 г. до н. э. цензорами осуществлялась система налогообложения. В-третьих, они вели весь послужной список граждан. В военных листах указывались: имя гражданина; триба, к которой он был приписан; величина земельного надела; с какого времени состоит на службе; в каких кампаниях участвовал и под чьим руководством, какие боевые награды и воинские «звания» имеет; к какой боевой линии прикреплен. Вполне вероятно, что перед набором цензовые листы передавались военным трибунам, которые осуществляли набор и формирование легионов (Polyb. VI, 19–20).

Утверждение, что в обязанность цензоров входила только оценка имущества граждан, не отражает всей сути. Функции их были гораздо шире и касались непосредственно военных вопросов.

В Риме не существовало специально-го учреждения, занимающегося призывом, и все дела «призывного значения» решали те органы, которым был поручен контроль над гражданами.

Со 167 г. до н. э. граждане Рима перестали платить налог с имущества. Если бы имущественный ценз играл роль при военном наборе, вряд ли потребовалась необходимость его отмены! Это еще раз доказывает, что государство давно взяло на себя обязанность вооружать и экипировать воинов и что набор производился не по имущественному достатку граждан с их личной амуницией, а по трибунной системе, то есть по количеству полноправных людей в трибе, имеющих даже мизерный земельный надел.

Потерял ли в таком случае имущественный ценз свое значение? С военной точки зрения – да. Однако в гражданской жизни он не только не утратил своего назначения, но приобрел более важный смысл. В первую очередь он касался высших сословий – сенаторов и всадников, фиксированный достаток которых не должен быть ниже установленного [24, с. 101, 104].

Ценз определял юридическое положение, сумму политических прав, а также, с точки зрения моральных ценностей, статус «хороших» либо «плохих» граждан.

Согласно реформе Сервия Туллия, *classis* составляли сельские жители. Они являлись основными гражданами римской *civitas* и были полноправными, а также считались «порядочными» [12]. На них возлагалась основная обязанность – оборона общины. Прообразу городских жителей (*fabri*) отводилось всего лишь две центурии, да и к тому же они были добавочными и фактически голоса никакого не имели (*Liv.* I, 43; *Dion. Hal.* IV, 17–18); *fabri* не были разделены на *classis*, как селяне, а были вписаны независимо от своего достатка, «поголовно» (отсюда и *capite censi*) в общие листы. У них отсутствовали *ius militiae* и *ius honoꝛum*. Со временем этот социальный слой стал пестрым и принял общее обозначение – *plebs urbana*.

Что касается пролетариев, то до реформы Мария – это не обезземеленная масса, «существующая за счет общества» [15, с. 375–376; 31, с. 503], а бедные крестьяне,

земельный надел коих составлял «отцовские и дедовские земли» (*Flor.* II, 3, 2) и которые не способны были прокормить семью в 8–10 человек. И хорошим подспорьем для них была военная служба.

Цицерон указывает, что пролетарии в силу своей бедности были названы так потому, что от них ожидался «*proles*», то есть новое поколение для государства (*Cic. R. p.* II, 22, 39–40). Об их крестьянской по своей сути природе говорят и Плутарх, и Аппиан (*Plut. Tib.* 8; *App. V. C.* I, 11). Их сообщения доказывают, что римская армия задолго до Марии состояла из таких пролетариев. Нападая на богатых, Тиберий Гракх требовал наделить бедных «клочком земли», вернуть эти «отцовские земли» тем, «кто воспитывает для государства детей» (*Plut. Tib.* 9). Речь, несомненно, идет о бедных земледельцах – пролетариях.

Действительно, Гракхи заботились о своем электорате, поэтому к сведениям Аппиана, где он видит в действиях Гракхов лишь хороший расчет получить в лице крестьян только боеспособную силу, следует относиться осторожно (*App. V. C.* I, 11). Надел в тридцать югеров земли позволял не только прокормить большую семью, но и получать прибавочный продукт для реализации на рынке.

Однако здесь важна юридическая и политическая сторона вопроса. Аппиан точно передает дух эпохи, где земельный ценз являлся доминирующим в политических отношениях и важным звеном в полноправии гражданина. Именно по наличию земельных наделов (*locus*) осуществлялся учет и место гражданина в политической системе государства. Он касался и тех, кто сохранил «отцовские и дедовские» земли, то есть пролетариев. Границей перехода из состояния полноправных граждан в разряд *aeꝛarii* была утеря «отцовской и дедовской» земли, а одновременно и *ius militiae*.

Вопрос о *capite censi* становится понятным в том смысле, что Сервиева система в тот древний период не имела столь сложной схемы деления общества [26, с. 76]. Она включала *assidui* и *proletarii*, то есть «зажиточных» и «бедных» граждан (*Cic. R. p.* II, 22, 39–40). Пролетарии были последней границей в системе *classis*, которая обеспечивала им

сумму всех политических и гражданских прав (caput). Именно поэтому у Геллия «proletarium tamen ordo honestior aliquanto et re nomine quam capite censorum fuit» (Gell. N. A. XVI, 10, 12), последние были ограничены в своей правоспособности и допуске на военную службу (Sall. B. J. 86, 2). Марий имел целью уничтожить это правовое различие, превратив их из «добавочных» граждан в «основных».

Марию не было смысла пролетаризировать армию, которая стала таковой задолго до него. Привлекая на службу бедных граждан из plebs urbana, он, по сути, расширял лишь социальную базу вербовки. Но механизм ее, экипировка, обучение, наконец, дисциплина оставались прежними, и говорить о какой-либо военной реформе трудно. Скорее, реформа имела социально-политическое значение, и ее результаты Марий хотел использовать в своей политической игре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартошек, М. Римское право. Понятия. Термины. Определения / М. Бартошек ; [пер. с чешск.]. – М. : Юрид. лит., 1989. – 538 с.
2. Герцберг, Г. Ф. История Греции и Рима : в 2 т. / Г. Ф. Герцберг. – СПб., 1883. – Т. II. – 560 с.
3. Герье, В. И. История римского народа / В. И. Герье // История римского народа: курс лекций, читаемых ординар. проф. В. И. Герье на Моск. высш. жен. курсах в 1887 г. – М. : Просвещение, 2002. – 349 с.
4. Гиро, П. Быт и нравы древних римлян / П. Гиро ; [пер. с франц. под ред. К. В. Купченко и Н. В. Абрамовой]. – Смоленск : Русич, 2002. – 576 с.
5. Дельбрюк, Г. История военного искусства в рамках политической истории. В 2 т. Т. 1. Античный мир / Г. Дельбрюк ; [вступ. ст., подгот. текста А. Б. Егорова ; Рос. акад. наук]. – СПб. : Наука : Ювента, 1994. – 416 с.
6. Егоров, А. Б. Рим на грани эпох: проблема рождения и формирования принципата / А. Б. Егоров. – Л. : Наука, 1985. – 224 с.
7. Игнатенко, А. В. Обострение политической борьбы в Риме в годы Югуртинской войны и военная реформа Гая Мария / А. В. Игнатенко // Ученые записки Свердловского государственного университета. – Свердловск, 1978. – Т. III. – С. 164–195.
8. Исторический центр Рима. – М. : Вече, 2005. – 240 с.
9. Ковалев, С. И. История Рима / С. И. Ковалев. – Л. : Наука, 1976. – 807 с.
10. Ковалев, С. И. Очерки истории древнего Рима / С. И. Ковалев, Е. М. Штаерман. – М. : Гос. учеб.-пед. изд-во М-ва просвещ. РСФСР, 1956. – 336 с.
11. Колобов, А. В. Римские легионы вне полей сражений (эпоха ранней империи) : учеб. пособие / А. В. Колобов. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1999. – 77 с.
12. Кулаковский, Ю. Римское государство и его армия в их взаимоотношении и историческом развитии / Ю. Кулаковский. – Киев : Киев. унив. изд., 1881. – № 10. – 189 с.
13. Луццато, Дж. Экономическая история Италии / Дж. Луццато ; [пер. с итал.]. – М. : Мысль, 1954. – 455 с.
14. Маркс, К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собр. соч. – 2-е изд. – М. : Полит. лит., 1955. – Т. III. – С. 7–544.
15. Маркс, К. Предисловие ко второму изданию «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта» / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собр. соч. – 2-е изд. – М. : Полит. лит., 1960. – Т. XVI. – С. 375–376.
16. Маркс, К. Письмо в редакцию «Отечественных записок» / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собр. соч. – 2-е изд. – М. : Полит. лит., 1961. – Т. XIX. – С. 121.
17. Машкин, Н. А. История древнего Рима / Н. А. Машкин. – М. : Полит. лит., 1956. – 612 с.
18. Михневич, Н. П. История военного искусства с древнейших времен до начала XIX столетия / Н. П. Михневич. – СПб., 1895. – 563 с.
19. Мишулин, А. В. История древнего Рима : курс лекций, прочитанный в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) / А. В. Мишулин. – М. : Политиздат, 1946. – 197 с.
20. Нич, К. В. История Римской Республики / К. В. Нич ; [пер. под ред. Д. П. Кончаловского]. – М., 1908. – 530 с.
21. Пролетарии // БСЭ. – 2-е изд. – М. : Полит. лит., 1956. – Т. XXXV. – С. 24–25.
22. Разин, Е. А. Лекция по истории военного искусства. Военное искусство и военные теории периода господства рабовладельческого Рима / Е. А. Разин. – М. : Воениздат, 1955. – Вып. III. – 559 с.
23. Разин, Е. А. Военное искусство и военные теории периода господства рабовладельческого Рима / Е. А. Разин. – М. : Воениздат, 1949. – 249 с.
24. Римские древности: Краткий очерк / под ред. И. В. Алферовой. – Смоленск : Русич, 2001. – 384 с.
25. Скрипелев, Е. А. История государства и права древнего мира : учеб. пособие / Е. А. Скрипелев. – М. : Юнтус, 1993. – 80 с.
26. Тянава, М. П. О некоторых аспектах реформы Сервия Туллия / М. П. Тянава // Труды кафедры всеобщей истории Тартуского университета. – 1973. – № 2. – С. 62–77.

27. Утченко, С. Л. Кризис и падение Римской республики / С. Л. Утченко. – М. : Мысль, 1965. – 367 с.

28. Фортунатов, А. Книга для чтения по древней истории / А. Фортунатов. – СПб. : Изд. М. И. Водовозовой, 1898. – Ч. II. – 431 с.

29. Хефлинг, Г. Римляне. Рабы. Гладиаторы: Спартак у ворот Рима / Г. Хефлинг; [пер. с нем., послесл. и коммент. Е. В. Ляпустиной]. – М. : Мысль, 1992. – 270 с.

30. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Ф. Энгельс // Маркс, К. Собр. соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Полит. лит., 1961. – Т. XXI. – С. 23–178.

31. Энгельс, Ф. Юридический социализм / Ф. Энгельс // Маркс, К. Собр. соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Полит. лит., 1961. – Т. XXI. – 503 с.

32. Altheim, F. Romische Geschichte. Bis zur Schlacht bei Actium (31 v. CHR) / F. Altheim. – Berlin : Verl. Neues Leben, 1956. – Bd. II. – 129 S.

33. Brunt, P. A. Social conflicts in the Roman Republic / P. A. Brunt. – L. : Oxford Univ. Press, 1971. – 164 p.

34. Kromeyer, J. Heerwesen und Kriegsführung der Griechen und Römer / J. Kromeyer, G. Veith. – München, 1928. – 649 S.

35. Kubler, O. Capite censi / O. Kubler // Pauly's Real – Encyclopedie der classischen Altertumswissenschaft / Neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa., hrsg. Von W. Kroll. – Stuttgart : J. B. Metzscherscher Verl., 1899. – Bd. III. – 1521 ff.

36. Smith, R. E. The Failure of the Roman Republic / R. E. Smith. – Cambridge, 1955. – Ch. XI. – 631 p.

ON THE ISSUE OF POOR PEOPLE DRAFTING INTO MILITARY SERVICE IN REPUBLICAN ROME

I. V. Merkulov

The author dwells on social structure changes in the Roman army. Before Guy Maria's reform proletarians were not enrolled in military service on account of impossibility to be armed by themselves. However, the thorough analysis of the sources has shown that proletarians were liable for call-up, and were drafted in critical situations. At the moment of Guy Maria's reform, after the state provided full-armed maintenance of citizens the army became entirely proletarian.

Key words: *Proletarii, capite censi, plebs urbana, ius militum, census, civitas.*